

УДК 821161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н84

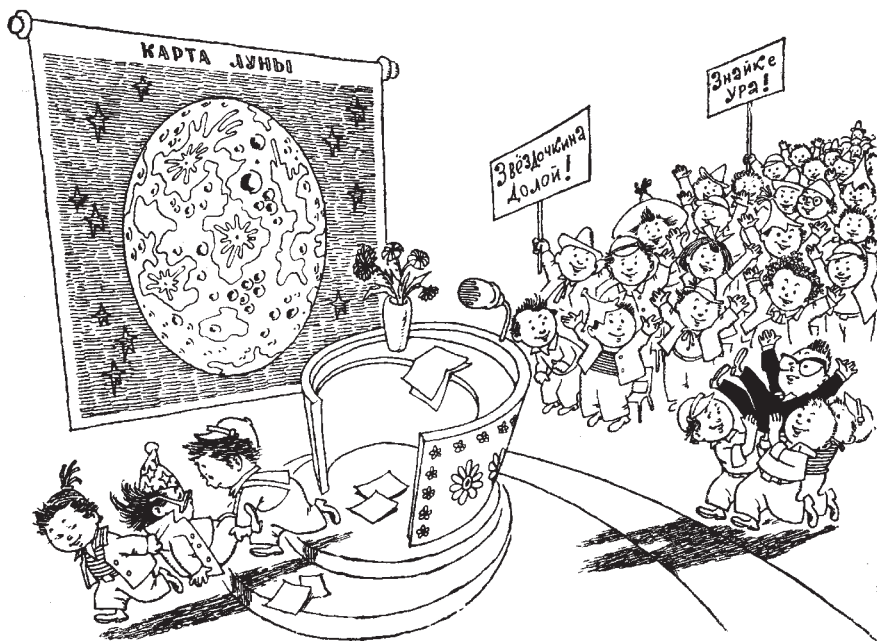
Носов, Николай Николаевич.

Н84 Незнайка на Луне : роман-сказка / Николай Носов ; рис.
Г. Валька. — Москва : Эксмо, 2017. — 480 с. : ил.

УДК 821161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-73436-8

© Носов, текст, 2015
© Издание И.П. Носова, 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава первая

КАК ЗНАЙКА ПОБЕДИЛ ПРОФЕССОРА ЗВЁЗДОЧКИНА

С тех пор, как Незнайка совершил путешествие в Солнечный город, прошло два с половиной года. Хотя для нас с вами это не так уж много, но для маленьких коротышек два с половиной года — срок очень большой. Наслушавшись рассказов Незнайки, Кнопочки и Пачкули Пёстренького, многие коротышки тоже совершили поездку в Солнечный город, а когда возвратились, решили и у себя сделать кое-какие усовершенствования. Цветочный город изменился с тех пор так, что теперь его и не узнать. В нём появилось много новых, больших и очень красивых домов. По проекту архитектора Вертибутылкина на улице Колокольчиков было построено даже два вертящихся здания. Одно пятиэтажное, башенного типа, со спиральным спуском и плавательным бассейном вокруг (спустившись по спиральному спуску, можно было нырять прямо в воду), другое шестиэтажное, с качающимися балконами, парашютной вышкой и чёртовым колесом на крыше. На улицах появилось множество автомобилей,

спиралеходов, труболётов, авиагидромотоколясок, гусеничных вездеходов и других разных машин.

И это ещё не всё, конечно. Жители Солнечного города узнали, что коротышки из Цветочного города занялись строительством, и пришли к ним на помощь: помогли им построить несколько так называемых промышленных предприятий. По проекту инженера Клёпки была построена большая одёжная фабрика, которая выпускала множество самой разнообразной одежды, начиная с резиновых лифчиков и кончая зимними шубами из синтетического волокна. Теперь уже никому не приходилось корпеть с иглой, чтобы сшить самые обыкновенные брюки или пиджак. На фабрике всё делали за коротышек машины. Готовая продукция, как и в Солнечном городе, развозилась по магазинам, и там уже каждый брал что кому нужно было. Все заботы работников фабрики сводились к тому, чтобы придумывать новые фасоны одежды и следить, чтоб не производилось ничего такого, что не нравилось публике.

Все были очень довольны. Единственным, кто пострадал на этом деле, оказался Пончик. Когда Пончик увидел, что теперь можно брать в магазине любую вещь, какая только могла понадобиться, он стал недоумевать: к чему ему вся та куча костюмов, которая накопилась у него дома? Все эти костюмы к тому же вышли из моды, и их всё равно нельзя было носить. Выбрав потемней ночку, Пончик завязал свои старые костюмы в огромный узел, вынес тайком из дома и утопил в Огурцовой реке, а вместо них натаскал себе из магазинов новых костюмов. Кончилось тем, что его комната превратилась в какой-то склад готового платья. Костюмы лежали у него и в шкафу, и на шкафу, и на столе, и под столом, и на книжных полках, висели на стенах, на спинках стульев и даже под потолком, на верёвочках.

От такого обилия шерстяных изделий в доме развелась моль, и, чтоб она не изгрызла костюмов, Пончику приходилось ежедневно травить её нафталином, от которого в комнате стоял такой сильный запах, что непривычного коротышку валило с ног. Пончик и сам пропах насквозь этим одуряющим запахом, но настолько привык к нему,

что даже перестал замечать. Для других, однако же, этот запах был очень заметен. Как только Пончик приходил к кому-нибудь в гости, у хозяев сейчас же начинала кружиться от одурения голова. Пончика моментально прогоняли и поскорей открывали настежь все окна и двери, чтобы проветрить помещение, иначе можно было упасть в обморок или сойти с ума. По этой же причине Пончик не имел даже возможности поиграть с коротышками во дворе. Как только он выходил во двор, все вокруг начинали плевать и, зажав руками носы, бросались бежать от него в разные стороны без оглядки. Никто не хотел с ним водиться. Нечего и говорить, что для Пончика это было страшно обидно, и пришлось ему все ненужные для него костюмы отнести на чердак.

Впрочем, главное было не это. Главное было то, что Знайка тоже побывал в Солнечном городе. Там он познакомился с учёными малышками Фуксией и Селёдочкой, которые в то время готовили свой второй полёт на Луну. Знайка тоже включился в работу по постройке космической ракеты и, когда ракета была готова, совершил с Фуксией и Селёдочкой межпланетное путешествие. Прилетев на Луну, наши отважные путешественники обследовали один из небольших лунных кратеров в районе лунного Моря Ясности, побывали в пещере, которая находилась в центре этого кратера, и произвели наблюдения над изменением силы тяжести. На Луне, как известно, сила тяжести значительно меньше, чем на Земле, и поэтому наблюдения над изменением силы тяжести имеют большое научное значение. Пробыв на Луне около четырёх часов, Знайка и его спутницы принуждены были поскорей отправиться в обратный путь, так как запасы воздуха были у них на исходе. Всем известно, что на Луне воздуха нет и, чтоб не задохнуться, всегда надо брать с собой запас воздуха. В сгущённом виде, конечно.

Вернувшись в Цветочный город, Знайка много рассказывал о своём путешествии. Его рассказы очень заинтересовали всех, и особенно астронома Стекляшкина, который не раз наблюдал Луну в телескоп. В свой телескоп Стекляшкин сумел разглядеть, что поверхность Луны не ровная, а гористая, причём многие горы на Луне не такие,

как у нас на Земле, а почему-то круглые, вернее сказать — кольцеобразные. Эти кольцевые горы учёные называют лунными кратерами, или цирками. Чтобы понять, как выглядит такой лунный цирк, или кратер, вообразите себе огромное круглое поле, в поперечнике километров двадцать, тридцать, пятьдесят или даже сто, и представьте, что это огромное круглое поле окружено земляным валом или горой высотой всего в два или

три километра, — вот и получится лунный цирк, или кратер. Таких кратеров на Луне тысячи. Есть маленькие — километра в два, но есть и гигантские — до ста сорока километров в диаметре.

Многих учёных интересует вопрос, как образовались лунные кратеры, отчего они произошли. В Солнечном городе все астрономы даже поссорились между собой, стараясь разрешить этот сложный вопрос, и разделились на две половины. Одна половина утверждает, что лунные кратеры произошли от вулканов, другая половина говорит, что лунные кратеры — это следы от падения крупных метеоритов. Первую половину астрономов называют поэтому последователями вулканической теории, или попросту вулканистами, а вторую — последователями метеоритной теории, или метеоритчиками.

Знайка, однако ж, не был согласен ни с вулканической, ни с метеоритной теорией. Ещё до путешествия на Луну он создал свою собственную теорию происхождения лунных кратеров. Однажды он вместе со Стекляшкиным наблюдал Луну в телескоп, и ему бросилось в глаза, что лунная поверхность очень похожа на поверхность хорошо пропечённого блина с его ноздреватыми дырками. После этого Знайка часто ходил на кухню и наблюдал, как пекутся блины. Он заметил, что пока блин жидкий, его поверхность совершенно гладкая, но по мере того как он поджаривается на сковороде, на его поверхности начина-

ют появляться пузырьки нагретого пара. Проступив на поверхность блина, пузырьки лопаются, в результате чего на блине образуются неглубокие дырки, которые так и остаются, когда тесто как следует пропечётся и потеряет вязкость.

Знайка даже сочинил книжку, в которой писал, что поверхность Луны не всегда была твёрдая и холодная, как теперь. Когда-то давно Луна представляла собой огненно-жидкий, то есть раскалённый до расплавленного состояния, шар. Постепенно, однако, поверхность Луны остывала и становилась уже не жидкая, а вязкая, словно тесто. Изнутри она была всё ж таки ещё очень горячая, поэтому раскалённые газы вырывались на поверхность в виде громадных пузырей. Выйдя на поверхность Луны, пузыри эти, конечно, лопались. Но пока поверхность Луны была ещё достаточно жидкая, следы от лопнувших пузырей затягивались и исчезали, не оставляя следа, как не оставляют следа пузыри на воде во время дождя. Но когда поверхность Луны остыла настолько, что стала густая, как тесто или как расплавленное стекло, следы от лопнувших пузырей уже не пропадали, а оставались в виде торчащих над поверхностью колец. Охлаждаясь всё больше, кольца эти окончательно отвердевали. Сначала они были ровные, словно застывшие круги на воде, а потом постепенно разрушались и в конце концов стали похожи на те лунные кольцевые горы, которые каждый может наблюдать в телескоп.

Все астрономы — и вулканисты и метеоритчики — смеялись над этой Знайкиной теорией.

Вулканисты говорили:

— Для чего понадобилась ещё эта блинистая теория, если и без того ясно, что лунные кратеры — это просто вулканы?

Знайка отвечал, что вулкан — это очень большая гора, на верхушке которой имеется сравнительно небольшой кратер, то есть отверстие. Если бы хоть один лунный кратер был кратером вулкана, то сам вулкан был бы величиной чуть ли не во всю Луну, а этого вовсе не наблюдается.

Метеоритчики говорили:

— Конечно, лунные кратеры — не вулканы, но они также и не блины. Всем известно, что это следы от ударов метеоритов.

На это Знайка отвечал, что метеориты могли падать на Луну не только отвесно, но и под наклоном и в таком случае оставляли бы следы не круглые, а вытянутые, продолговатые или овальные. Между тем на Луне все кратеры в основном круглые, а не овальные.

Однако вулканисты и метеоритчики настолько привыкли к своим излюбленным теориям, что даже слушать не хотели Знайку и презрительно называли его блинистом. Они говорили, что вообще смешно даже сравнивать Луну, которая является крупным космическим телом, с каким-то несчастным блином из прокисшего теста.

Впрочем, Знайка и сам отказался от своей блинной теории после того, как лично побывал на Луне и видел вблизи один из лунных кратеров. Ему удалось рассмотреть, что кольцевая гора была совсем не гора, а остатки разрушившейся от времени гигантской кирпичной стены. Хотя кирпичи в этой стене выветрились и потеряли свою первоначальную четырёхугольную форму, всё-таки можно было понять, что это именно кирпичи, а не просто куски обыкновенной горной породы. Особенно хорошо это было видно в тех местах, где стена сравнительно недавно обрушилась и отдельные кирпичи ещё не успели рассыпаться в прах.

Поразмыслив, Знайка понял, что эти стены могли быть сделаны лишь какими-то разумными существами, и, ког-

да вернулся из своего путешествия, опубликовал книжку, в которой писал, что когда-то давно на Луне жили разумные существа, так называемые лунные коротышки, или лунатики. В те времена на Луне, как и теперь на Земле, был воздух. Поэтому лунатики жили на поверхности Луны, как и мы все живём на поверхности нашей планеты Земля. Однако с течением времени на Луне становилось всё меньше воздуха, который постепенно улетал в окружающее мировое пространство. Чтобы не погибнуть без воздуха, лунатики окружали свои города толстыми кирпичными стенами, над которыми возводили огромные стеклянные купола. Из-под этих куполов воздух уже не мог улетучиваться, поэтому можно было дышать и ничего не бояться.

Но лунатики знали, что вечно так продолжаться не может, что со временем воздух вокруг Луны совсем рассеется, отчего поверхность Луны, не защищённая значительным слоем воздуха, будет сильно прогреваться солнечными лучами и на Луне даже под стеклянным колпаком невозможно будет существовать. Вот поэтому-то лунатики стали переселяться внутрь Луны и теперь живут не с наружной, а с внутренней её стороны, так как на самом деле Луна внутри пустая, вроде резинового мяча, и на внутренней её поверхности можно так же прекрасно жить, как и на внешней.

Эта Знайкина книжка наделала много шума. Все коротышки с увлечением читали её. Многие учёные хвалили эту книжку за то, что она интересно написана, но всё же высказывали недовольство тем, что она научно не обоснована. А действительный член академии астрономических наук профессор Звёздочкин, которому тоже случилось прочитать Знайкину книжку, просто кипел от негодования и говорил, что книга эта — вовсе не книга, а какая-то, как он выразился, чёртова чепуха. Этот профессор Звёздочкин был не то чтобы какой-нибудь очень сердитый субъект. Нет, он был довольно добрый коротышка, но очень, как бы это сказать, требовательный, непримиримый. Во всяком деле он ценил больше всего точность, порядок и терпеть не мог никаких фантазий, то есть выдумок.

Профессор Звёздочкин и предложил академии астрономических наук устроить обсуждение Знайкиной книги и разобрать её, как он выразился, по косточкам, с тем чтобы никому больше неповадно было такие книги писать. Академия дала согласие и послала приглашение Знайке. Знайка приехал, и обсуждение состоялось. Оно началось, как и полагается в таких случаях, с доклада, который вызвался сделать сам профессор Звёздочкин.

Когда все приглашённые на обсуждение коротышки собрались в просторном зале и расселись на стулья, на трибуну взошёл профессор Звёздочкин, и первое, что от него услышали, были слова:

— Дорогие друзья, разрешите заседание, посвящённое обсуждению Знайкиной книги, считать открытым.

После этого профессор Звёздочкин громко откашлялся, не спеша вытер платочком нос и принялся делать доклад. Изложив коротко содержание Знайкиной книги и похвалив её за живое, яркое изложение, профессор сказал, что, по его мнению, Знайка допустил ошибку и принял за кирпичи то, что в действительности было не кирпичи, а какая-то слоистая горная порода. Ну а раз кирпичей на самом-то деле не было, сказал профессор, то не было, следовательно, и никаких коротышек-лунатиков. Их же и не могло быть, потому что если бы они и были, то не смогли бы жить на внутренней поверхности Луны, так как давно всем хорошо известно, что все предметы на Луне, точно так же как и у нас на Земле, притягиваются к центру планеты, и, если бы Луна в действительности была внутри пустая, никто всё равно не смог бы удержаться на её внутренней поверхности: его тотчас притянуло бы к центру Луны, и он беспомощно болтался бы там в пустоте, пока не погиб с голоду.

Выслушав всё это, Знайка поднялся со своего места и сказал насмешливо:

— Вы рассуждаете так, будто вам уже когда-нибудь приходилось болтаться в центре Луны!

— А вы будто болтались? — огрызнулся профессор.

— Я не болтался, — возразил Знайка, — но зато я летал в ракете и наблюдал за предметами в состоянии невесомости.

— При чём тут ещё состояние невесомости? — буркнул профессор.

— А вот при чём, — сказал Знайка. — Да будет вам известно, что во время полёта в ракете у меня была бутылка с водой. Когда наступило состояние невесомости, бутылка свободно плавала в пространстве, как и каждый предмет, который не был прикреплён к стенам кабины. Всё было нормально, пока вода целиком наполняла бутылку. Но когда я половину воды выпил, начались странности: оставшаяся вода не держалась на дне бутылки и не собиралась в центре, а равномерно растекалась по стенкам, так что внутри бутылки образовался воздушный пузырь. Значит, вода притягивалась не к центру бутылки, а к её стенкам. Это и понятно, так как притягивать друг друга могут лишь массы вещества, а пустота ничего притянуть к себе не может.

— Попал пальцем в небо! — сердито проворчал Звёздочкин. — Сравнил бутылку с планетой! По-вашему, это научно?

— Почему же не научно? — авторитетно ответил Знайка. — Когда бутылка свободно перемещается в межпланетном пространстве, она находится в состоянии невесомости и во всём уподобляется планете. Внутри неё всё будет происходить так же, как внутри планеты, то есть внутри Луны, в том случае, конечно, если Луна изнутри пустая.

— Вот, вот! — подхватил Звёздочкин. — Только объясните, пожалуйста, нам, почему вы втемяшили себе в голову, что Луна изнутри пустая?

Слушатели, которые пришли послушать доклад, засмеялись, но Знайка не смутился этим и сказал:

— Вы бы сами легко втемяшили себе это в голову, если бы немного подумали. Ведь если Луна сначала была огненно-жидкая, то она начала остывать не изнутри, а с поверхности, так как именно поверхность Луны соприкасается с холодным мировым пространством. Таким образом остыла и отвердела в первую очередь поверхность Луны, в результате чего Луна стала представлять собой как бы огромный шарообразный сосуд, внутри которого продолжало находиться — что?..

— Ещё не остывшее расплавленное вещество! — закричал кто-то из слушателей.

— Верно! — подхватил Знайка. — Ещё не остывшее расплавленное вещество, то есть, попросту говоря, жидкость.

— Вот видите, сами говорите — жидкость, — усмехнулся Звёздочкин. — Откуда же в Луне взялась пустота, если там была жидкость, садовая вы голова?

— Ну, об этом совсем нетрудно догадаться, — невозмутимо ответил Знайка. — Ведь раскалённая жидкость, окружённая твёрдой оболочкой Луны, продолжала остывать, а остывая, она уменьшалась в объёме. Вы, надо полагать, знаете, что каждое вещество, охлаждаясь, уменьшается в объёме?

— Надо полагать, знаю, — сердито буркнул профессор.

— Тогда вам всё должно быть понятно, — обрадованно сказал Знайка. — Если жидкое вещество уменьшалось в объёме, то внутри Луны само собой должно было получаться пустое пространство на манер воздушного пузыря в бутылке. Это пустое пространство делалось всё больше и больше, располагаясь в центральной части Луны, так как остававшаяся жидкой масса притягивалась к твёрдой оболочке Луны, подобно тому как притягивались остатки воды к стенкам бутылки, когда она находилась в состоянии невесомости. Со временем жидкость внутри Луны и вовсе остыла и затвердела, как бы прилипнув к твёрдым стенкам планеты, благодаря чему в Луне образовалась внутренняя полость, которая постепенно могла заполниться воздухом или каким-нибудь другим газом.

— Верно! — закричал кто-то.

И сейчас же со всех сторон раздались крики:

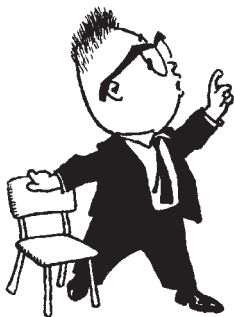
— Верно! Правильно! Молодец, Знайка! Ура!

Все захлопали в ладоши. Кто-то крикнул:

— Долой Звёздочкина!

Сейчас же двое коротышек схватили Звёздочкина — один за шиворот, другой за ноги — и стащили его с трибуны. Несколько коротышек подхватили Знайку на руки и потащили к трибуне.

— Пусть Знайка делает доклад! — кричали вокруг. — Долой Звёздочкина!

— Дорогие друзья! — говорил Знайка, очутившись на трибуне. — Я не могу делать доклад. Я не подготовился.

— Расскажите про полёт на Луну! — кричали коротышки.

— Про состояние невесомости! — кричал кто-то.

— Про Луну?.. Про состояние невесомости? — растерянно повторял Знайка. — Ну ладно, пусть будет про состояние невесомости. Вы, наверно, знаете, что космическая ракета, для того чтобы преодолеть притяжение Зем-

ли, должна приобрести очень большую скорость — одиннадцать километров в секунду. Пока ракета набирает эту скорость, ваше тело испытывает большие перегрузки. Вес вашего тела как бы увеличивается в несколько раз, и вас с силой прижимает к полу кабины. Вы не можете поднять руку, вы не можете поднять ногу, вам кажется, что всё ваше тело как бы налилось свинцом. Вам кажется, будто какая-то страшная тяжесть навалилась на вашу грудь и не даёт вам дышать. Но как только разгон космического корабля прекращается и он начинает свой свободный полёт в межпланетном пространстве, перегрузки кончаются и вы перестаёте испытывать силу тяжести, то есть, попросту говоря, теряете вес.

— Расскажите, что вы чувствовали? Что вы испытывали? — закричал кто-то.

— Первое моё ощущение при потере веса было, будто изпод меня незаметно убрали сиденье и мне не на чем стало сидеть. Ощущение было такое, будто я потерял что-то, но никак не мог понять что. Я почувствовал лёгкое головокружение, мне стало казаться, будто кто-то нарочно перевернул меня вниз головой. Вместе с тем я ощутил, что внутри у меня всё замерло, похолодело, как при испуге, хотя самого испуга и не было. Подождав немного и убедившись, что со мной ничего плохого не случилось, что я и дышу, как обычно, и вижу всё вокруг, и соображаю нормально, я перестал обращать внимание на замирание в груди и в области живота, и это неприятное ощущение прошло само собой.

Когда я огляделся вокруг и увидел, что все предметы в кабине на месте, что сиденье, как и прежде, находится подо мной, мне перестало казаться, что я перевернут вниз головой, и головокружение тоже прошло...

— Рассказывайте! Рассказывайте ещё! — завопили коротышки хором, увидев, что Знайка остановился.

Некоторые от нетерпения даже застучали по полу ногами.

— Ну так вот, — продолжал Знайка. — Убедившись, что всё в порядке, я хотел опереться о пол ногами, но сделал это так резко, что подскочил кверху и ударился головой о потолок кабины. Я не учёл, понимаете, что моё тело потеряло вес и что теперь было достаточно лишь небольшого усилия, чтоб подскочить на страшную высоту. Поскольку моё тело совсем ничего не весило, я мог свободно висеть посреди кабины в любом положении, не опускаясь вниз и не поднимаясь вверх, но для этого нужно было вести себя осторожно и не делать резких движений. Вокруг меня так же свободно плавали предметы, которые мы не закрепили перед отправлением в полёт. Вода из бутылки не выливалась даже в том случае, если бутылку перевёртывали вверх дном, но если удавалось вытряхнуть воду из бутылки, то она собиралась в шарики, которые тоже свободно плавали в пространстве до тех пор, пока не притягивались к стенам кабины.

— А скажите, пожалуйста, — спросил один коротышка, — у вас в бутылке была вода или, может быть, какой-нибудь другой напиток?

— В бутылке была простая вода, — коротко ответил Знайка. — Какой же мог быть другой напиток?

— Ну, я не знаю, — развёл коротышка руками. — Я думал, ситро или, может быть, керосин.

Все засмеялись. А другой коротышка спросил:

— А вы привезли что-нибудь с Луны?

— Я привёз кусочек самой Луны.

Знайка достал из кармана небольшой камешек голубовато-серого цвета и сказал:

— На поверхности Луны валяется множество разных камней, и притом очень красивых, но я не хотел их брать, так как они могли оказаться метеоритами, случайно занесёнными на Луну из мирового пространства. А этот камень я отбил молотком от скалы, когда мы опускались в лунную пещеру. Поэтому вы можете быть вполне уверены, что этот камень — кусочек самой настоящей Луны.

Кусочек Луны пошёл по рукам. Каждому хотелось поближе посмотреть на него. Пока коротышки разглядывали камень, передавая его из рук в руки, Знайка рассказывал, как они с Фуксией и Селёдочкой путешествовали по Луне и что там видели. Всем очень понравился Знайкин рассказ. Все остались очень довольны. Только профессор Звёздочкин был не очень доволен. Как только Знайка кончил свой рассказ и сошёл с трибуны, профессор Звёздочкин выскочил на трибуну и сказал:

— Дорогие друзья, нам всем было очень интересно послушать про Луну и про всё прочее, и я от имени всех собравшихся приношу сердечную благодарность знаменитому Знайке за его интересное и содержательное выступление. Однако... — сказал Звёздочкин и со строгим видом поднял кверху указательный палец.

— Долой! — закричал кто-то из коротышек.

— Однако... — повторил, повышая голос, профессор Звёздочкин. — Однако мы собрались здесь вовсе не для того, чтоб про Луну слушать, а для того, чтоб обсудить Знайкину книжку, а поскольку книжку не обсудили, то, значит, не выполнили того, что было намечено, а раз не выполнили того, что было намечено, то надо будет всё-таки выполнить, а раз надо будет всё-таки выполнить, то придётся всё-таки выполнить и подвергнуть рассмотрению...

Никто так и не узнал, что хотел подвергнуть рассмотрению Звёздочкин. Шум поднялся такой, что ничего уже нельзя было понять. Отовсюду слышалось только одно слово:

— Долой!

Двое коротышек снова бросились на трибуну, один схватил Звёздочкина за шиворот, другой за ноги, и поволокли его прямо на улицу. Там его посадили в скверике на траву и сказали:

— Вот когда полетишь на Луну, будешь выступать на трибуне, а сейчас пока посиди здесь на травке.

От такого бесцеремонного обращения Звёздочкин ошалел настолько, что не мог произнести ни слова. Потом он понемногу пришёл в себя и закричал:

— Это безобразие! Я буду жаловаться! Я напишу в газету! Вы ещё узнаете профессора Звёздочкина!

Он долго так кричал, размахивая кулаками, но, увидев, что все коротышки разошлись по домам, сказал:

— На этом заседание объявляю закрытым.

После чего встал и тоже пошёл домой.

